

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕГИОНАХ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА¹

В. В. Вольчик, И. М. Ширяев

В статье рассматривается проблема институциональных изменений с позиций синтеза подходов старого институционализма и теории социального капитала. Институциональные изменения обусловлены, прежде всего, характером доминирующих социальных ценностей: церемониальных и инструментальных. Социальный капитал проявляется в укреплении доверия и социальной идентичности, воспроизводит поведенческие паттерны, основанные на доминирующей системе ценностей. Тип социального капитала, характерный для периферийных регионов Северного Кавказа, базируется преимущественно на церемониальных ценностях, что определяет специфику поведенческих паттернов и неформальных институтов. Модернизация институциональной системы периферийных регионов должна осуществляться путем развития всех форм образования. Повышение доступности знаний связано с разработкой механизмов регулирования, которые учитывают специфику социального капитала в контексте эволюции инструментальных ценностей общества.

Институциональные изменения: концептуальные рамки традиционного институционализма

Институциональная экономическая теория неоднородна. Аналитические и познавательные инструменты, которые используются представителями различных институциональных школ, создают широкое поле возможностей для объяснения современных тенденций развития общества и экономики. В данной статье мы концентрируемся на объяснении институциональных изменений с позиций традиционного, или старого (*old or original*) институционализма. Выбор данного теоретического направления предполагает, что используемые исследовательские концепты имеют качественную природу и не предполагают непосредственного количественного измерения и оценки. Включение в анализ институциональных изменений социального капитала позволяет расширить объяснительные возможности процесса эволюции институциональной системы общества с учетом современных тенденций развития экономической теории и экономической социологии. Действительно, важной особенностью институционального исследования экономики является понимание эволюци-

онного характера развития институциональных структур. «В этом смысле современная институциональная теория вплотную смыкается с эволюционной экономической теорией и может рассматриваться как единое целое — институционально-эволюционная теория» [18].

В современной экономической науке довольно распространен подход, основанный на методологическом плюрализме [28], однако использование методологии старого институционализма обусловлено, прежде всего, природой и характером рассматриваемых проблем. «Последователям старой школы институционального анализа удалось существенно скорректировать парадигму экономического анализа в части пересмотра исходных допущений» [21, с. 6]. Ими были отвергнуты неправдоподобные допущения неоклассической экономической теории, в частности предпосылка совершенной рациональности поведения людей. Взамен этого, старые институционалисты признавали влияние институтов на цели деятельности индивидов.

В традиционном институционализме трактовка институтов основывается на известном определении Т. Веблена: «Институты — это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определенное время или в любой момент развития какого угодно общества, мо-

¹ Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № 213-01-24/2013-173 от 30.04.2013, тема «Периферийные регионы с многоукладной экономикой в сетях глобализации в условиях асимметричных практик рыночного регулирования: стратегии и риски модернизации».

жет с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как преобладающая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе» [4, с. 201-202].

С именем Торстейна Веблена — одного из основателей старого институционализма — также связано возникновение эволюционной экономики [7]. Для экономики как эволюционирующей динамической системы характерен феномен, который впервые проанализировал Т. Веблен. Впоследствии этот феномен получил названия дихотомии Веблена (иногда в литературе встречается термин «дихотомия Веблена — Эйрса», подчеркивающий вклад Кларенса Эйрса в исследование данной проблемы). Обычно дихотомию Веблена связывают с противоречиями, возникающими в ходе социальных изменений между прогрессивными технологиями и тормозящими развитие институтами. Традиционно проблематика дихотомии Веблена составляет ядро теоретической проблематики старого институционализма [32].

Веблен неоднократно отмечал в своих работах [3, 4], что современные для его времени институты являются результатом и отражением прошлого развития и функционирования хозяйственных процессов и деятельности индивидов и организаций. Дихотомия Веблена позволяет нам сконцентрироваться на одной важной особенности экономического развития общества. Эта особенность может быть охарактеризована как асинхронность эволюции механизмов организации, управления производством и инструментов государственного регулирования, с одной стороны, и правил, институтов и устойчивых поведенческих паттернов, с другой стороны.

Ключевое значение институтов в обществе с позиций традиционного институционализма заключается в том, что они определяют поведенческие паттерны. Широко распространена классификация поведения, состоящая из трех элементов: церемониальное поведение, инструментальное поведение и смешанное поведение [26, 29]. Поведенческие паттерны тесно связаны с системой социальных ценностей, среди которых ключевое значение имеют церемониальные и инструментальные ценности.

Церемониальные ценности являются основой для различных привилегий, определения статуса в обществе, отношений власти в контексте социальных классов и страт, отношений между начальниками и подчиненными, опираются на традиции и мифы, укоренившиеся в обществе [26, с. 1079].

При этом инструментальные ценности — фундаментальная причина модернизации и развития институциональной системы. Они служат для решения текущих проблем общества, тесно связаны с инстинктом мастерства, создаются и прививаются населению через продуманную социальную политику, через расширение запаса знаний и образование.

Традиционные ценности связаны с качеством социальных связей и, следовательно, социального капитала. В обществе, где не развито образование, будут доминировать церемониальные ценности. Уровень образования находится в обратной зависимости от архаичных ценностей, социального капитала и институтов. Теоретически институциональные изменения в структуре ценностей отражаются в институциональном контексте церемониального доминирования, которое отражает большее распространение церемониальных ценностей по сравнению с инструментальными. На практике это означает, что доминирование и навязывание традиционных (церемониальных) ценностей препятствует эффективным институциональным изменениям. Пол Буш отмечает, что часто существующая в обществе институциональная структура не способна поддерживать жизненные процессы общества и обеспечивать инструментально обусловленное знание, поэтому проводимая социально-экономическая политика не должна способствовать насаждению мифов и церемониальных ценностей [26, с. 1091].

В рамках традиционного институционализма подчеркивается важность рассмотрения институциональных изменений через призму их дискреционного характера, однако это не означает, что все изменения носят сознательный и намеренный характер. Большое значение при исследовании институциональных изменений должно уделяться демографической политике, развитию демократических институтов и саморегулирования, доверию, свободе слова, самовыражения, ассоциаций.

Институты и социальный капитал

Формирование и эволюция экономических институтов зависят от характеристик социального и человеческого капитала, которые образуют в обществе основу для формирования институциональной структуры того или иного хозяйственного порядка. Необходимо отметить, что в научной литературе существуют две противоположные точки зрения относительно причинной связи между институтами, экономическим развитием и человеческим и социальным капиталом. Согласно пер-

вой точке зрения, эффективные политические и экономические институты ведут к экономическому росту и порождают долгосрочную тенденцию роста благосостояния всех групп населения, что положительно отражается на показателях человеческого и социального капитала [16, 24]. Согласно второй, именно накопленный человеческий и социальный капитал позволяет тому или иному обществу создавать те экономические и политические институты, которые способствуют долгосрочному экономическому росту [27]. Две эти точки зрения на причины формирования эффективных институтов имеют право на существование, так как они акцентируют внимание на различных аспектах внедрения и эволюционного формирования институциональной структуры. Важно учитывать именно эволюционный характер возникновения и развития институтов.

Согласно определению Пьера Бурдьё, впервые предложившего данное понятие, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [2, с. 66]. Джеймс Коулман, благодаря которому термин «социальный капитал» вошел в широкое употребление, определил его как некоторые аспекты социальной структуры, которые могут быть использованы акторами в качестве ресурсов для достижения своих целей [10]. С точки зрения Фрэнсиса Фукуямы, «социальный капитал можно определить просто как набор неформальных ценностей или норм, которые разделяются членами группы и которые делают возможным сотрудничество внутри этой группы» [22].

Социальный капитал определяет не только возможность и продуктивность социальных и экономических взаимодействий, он также является одним из важнейших факторов, определяющих инновационный характер деятельности хозяйственных организаций, причем главными компонентами социального капитала здесь выступают доверие и внутриорганизационные нормы (рутины) [33].

Анализ социального капитала предполагает несколько иной уровень анализа по сравнению с исследованиями пары индивид — институты. Исследования социального капитала предполагают фокусировку на сетях, состоящих из индивидуальных отношений и взаимодействий, где особое значение имеют доверие и эмоционально окрашенные поведенческие паттерны

индивидов. Определенные формы социального капитала, к примеру, долгосрочные социальные взаимодействия, основанные на доверии и, например, религиозных нормах, могут регулировать создание и распределение общественных благ в локальных сообществах [30].

В отечественной науке исследованиям социального капитала посвящено довольно много оригинальных работ, где подчеркивается связь социального капитала и институциональной системы общества. Например, в подходе Н. Н. Лебедевой и О. А. Ломовцевой понятие социального капитала трактуется довольно широко и включает признаваемые субъектами хозяйственных взаимодействий нормы, правила, обычаи, традиции, имплицитные договоренности, формальные и неформальные ограничения [13].

Различие интерпретаций понятия «социальный капитал» связано с вопросом: является ли социальный капитал частным, клубным или общественным благом? Для решения данной проблемы предлагается «выделение индивидуального и общественного социального капитала в рамках социального капитала вообще» [20]. Другим решением является выделение двух типов социального капитала: первого, являющегося общественным благом и выступающего «в форме норм, правил поведения, общих для всех хозяйствующих субъектов», и второго, являющегося клубным благом и выступающего «в форме локальных групповых норм и правил» [12].

«Несмотря на различие трактовок, практически все авторы признают, что основная роль социального капитала состоит в том, что он способствует укреплению доверия между участниками контрактов на основе социальной идентичности и возможности предвидения действий участников взаимоотношений на основе разделяемых ими норм» [11, с. 47].

Если рассматривать институты как «распространенное представление об образе жизни в обществе» [4], основанное на доминирующих поведенческих паттернах, то существующий социальный капитал детерминирует специфические ограничения и предпочтения формального и неформального характера, обеспечивающие взаимодействие хозяйственных агентов за счет включения в анализ методологических принципов доверия, обязательств и санкций. Использование концепции социального капитала позволяет рассматривать взаимодействие экономических агентов в условиях рыночных отношений с помощью понятий взаимности и возмездности.

Важным является вопрос о том, как накапливается социальный капитал, а также как он передается следующим поколениям хозяйствующих субъектов? Для ответа на эти вопросы необходимо применение методологического и теоретического инструментария институциональной и эволюционной экономики. Социальный капитал представляет собой основу взаимодействий в обществе, то есть является тем исходным материалом, из которого в процессе эволюции формируются институты, технологии и рутины.

Действительно, как форма социальных связей, социальный капитал не может напрямую наследоваться экономическими субъектами, он определяет настоящие, но не будущие условия хозяйствования. Реализуясь в поведенческих паттернах и экономических институтах, социальный капитал накапливается и через них оказывает влияние на хозяйственную координацию. Благодаря углублению общественного разделения труда в процессе производства повышается роль социальных связей, которые путем социализации в экономике, определяют качество социального капитала. Это приводит к повышению эффективности рыночных обменов и хозяйственной координации. Таким образом, накопление рыночного социального капитала способствует снижению трансакционных издержек, тем самым повышая продуктивность рыночной экономической системы.

Накопление и передача социального капитала как формы социальных связей возможны при существовании устойчивых форм, выполняющих в экономике роль генов по аналогии с биологическими системами. Если допустить широкую трактовку «образов поведения фирм» [15, с. 31] как правил, структурирующих повторяющиеся взаимодействия, то вывод относительно генов и рутин можно спроецировать и на институты. Если институты рассматривать как социальные технологии, то сами технологии тоже могут представлять тип генотипических связей, возникающих под воздействием социального капитала на микроуровне [31, с. 26]. Накопление и тиражирование в обществе социального капитала осуществляется через процесс его институционализации. Институционализация социального капитала в хозяйственных порядках предполагает создание и эволюцию поведенческих паттернов, институтов и технологий, определяющих тип экономических отношений и формирующих фундаментальные институциональные предпосылки для становления того или иного типа экономического порядка.

На формирование социального капитала, особенно в регионах с многонациональным составом населения, большое влияние оказывает существующая культура как совокупность неформальных институтов. Перефразируя известное выражение Фридриха фон Хайека о том, что культура представляет собой передачу во времени совокупного объема знаний [23], можно сказать, что институты представляют собой передачу во времени неявного знания, созданного ранее акторами в результате рыночных взаимодействий. Спонтанные взаимодействия в ходе рыночного обмена создают знание, которое закрепляется в институтах [5].

Переход от естественного государства (порядка ограниченного доступа) к порядку открытого доступа во многом зависит от коллективных действий элит, или, иначе, элит, которые образуют влиятельные группы специальных интересов [17]. Доминирующим группам специальных интересов должен быть выгоден переход от естественного государства к порядку открытого доступа. На пути такого перехода — множество препятствий, связанных с историческими особенностями развития институциональной организации общества, а также с формированием предпосылок для создания механизмов трансформации институтов, необходимых для функционирования порядка открытого доступа. Одним из таких препятствий является национальная ориентированность (неориентированность) элит. Национально неориентированные элиты могут иметь более сильные стимулы в разделении своих интересов между разными странами, что препятствует трансформации институциональной организации в направлении к порядку открытого доступа. Поэтому элиты могут в одних странах (естественных государствах) заниматься извлечением прибыли, используя свои властные и институциональные распределительные преимущества, а в других странах (порядках открытого доступа) непосредственно проживать как на временной, так и на постоянной основе.

Действия элит также оказывают влияние на разработку и реализацию региональной социальной и экономической политики. Элиты как группы специальных интересов, руководствуясь тактическими соображениями, например, по извлечению административной ренты или перераспределения и легитимизации собственности, могут намеренно способствовать насаждению церемониальных или смешанных ценностей, которые, способствуя достижению

краткосрочных эффектов, формируют социальный капитал и институты, препятствующие развитию современного гражданского общества и конкурентоспособной экономики в долгосрочной перспективе.

Особенности социально-экономического развития периферийных регионов

Экономическое развитие российских регионов характеризуется значительной неравномерностью. Асимметричность регионального экономического развития обусловлена не только различиями в пространственном размещении ресурсов, коммуникаций и природных условий. Различия в темпах экономического развития во многом обусловлены различными институциональными условиями [25]. Особую роль такие различия приобретают в контексте неравномерности регионального развития между центральными и периферийными регионами.

Выделение центральных и периферийных регионов является переносом из мир-системного анализа идеи разделения стран на «ядро» и «периферию» в сферу исследования регионов отдельной страны.

В российской научной литературе не сложилось однозначного понимания понятия периферийности региона. Для идентификации периферийных регионов предлагаются различные критерии (географического, демографического или экономического характера), не всегда совместимые друг с другом. Можно выделить и противопоставить три подхода к определению периферийности. В соответствии с «географическим» подходом, периферийность региона может быть определена как степень его удаленности от региона, произвольно выбранного в качестве «центра». При «демографическом» подходе периферийность региона определяется низкой плотностью населения. В случае «экономического» подхода периферийность региона определяется низким уровнем экономического развития. Реальные исследования, как правило, сочетают элементы различных подходов.

Согласно Н. Г. Колесникову, периферийность региона определяется тремя характеристиками: плотность населения, расстояние до крупных экономических центров и разобщенность (наличие препятствий при пересечении границ региона). «Периферийность тем выше и, соответственно, условия для развития региона тем хуже, чем меньше концентрация населения в агломерациях (плотность), больше расстояние до крупных экономических центров

и выше барьеры на границах региона (разобщенность)» [9, с. 117].

С. Л. Баринов отождествляет периферийные регионы с депрессивными и для выделения таких регионов предлагает использовать совокупность девяти социально-экономических показателей [1, с. 27]. В его подходе в качестве периферийных (депрессивных, отстающих в развитии) регионов центральной и северо-западной России рассмотрены Брянская, Ивановская, Костромская, Тверская, Рязанская, Владимирская и Псковская области [1, с. 27].

А. Г. Дружинин включает в периферию «деревни и „полусельские“ малые и средние города, а также крупные города — „несостоявшиеся“ метрополии» [8]. В его подходе периферия противопоставлена метрополии — географическому центру, обладающему «зависимой (в хозяйственном, политическом, культурном отношении) территорией» [8]. В качестве примеров ведущих метрополий на юге России А. Г. Дружинин приводит Ростов-на-Дону, Краснодар, Сочи, Ставрополь и Махачкалу.

Южный и Северо-Кавказский федеральные округа могут быть рассмотрены в качестве периферийных регионов России в случае определения периферийности как низкого уровня экономического развития (то есть в случае «экономического» подхода). Если наилучшими индикаторами степени экономического развития страны в целом являются различные варианты показателя ВВП на душу населения [6], то наилучшим показателем экономического развития региона является ВРП на душу населения. Из всех российских федеральных округов именно Северо-Кавказский и Южный обладают самым низким уровнем валового регионального продукта на душу населения (рис. 1).

В периферийных регионах наблюдается более низкий уровень урбанизации, чем в центральных регионах. Доля городского населения в 2011 г., по данным Росстата, в Центральном федеральном округе составила 81,6%, в то время как в Южном федеральном округе — 62,5%, в Северо-Кавказском федеральном округе — 49,2% [19, с. 58-61] (рис. 2).

Жители периферийных регионов имеют в среднем более низкий уровень образования, чем жители центральных регионов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля людей с высшим образованием в Центральном федеральном округе составила 28%, а в Южном федеральном округе — 21%, в Северо-Кавказском федеральном округе — 19% [19, с. 234-235] (рис. 3-5).

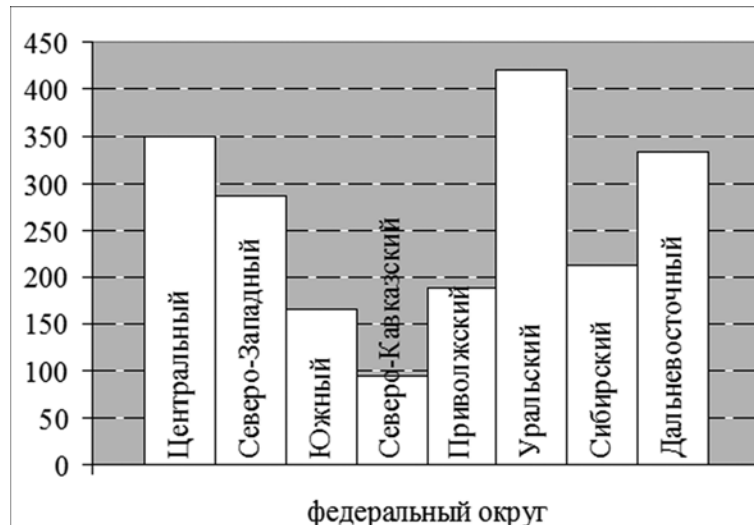

Рис. 1. Валовой региональный продукт (валовая добавленная стоимость в текущих основных ценах) по федеральным округам Российской Федерации в 2010 г. (тыс. руб.) [19, с. 385-386]

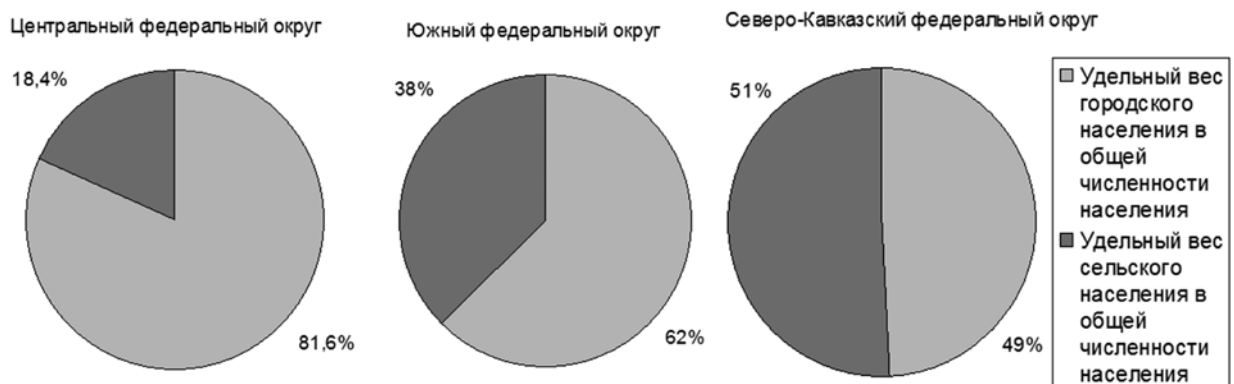

Рис. 2. Доля городского и сельского населения в Центральном, Южном и Северо-Кавказском федеральных округах в 2011 году (оценка на конец года, %) [19, с. 58-61]

Центральный регион специализируется на предоставлении высшего образования, привлекая для его получения также жителей периферийных регионов. На каждые 10000 чел. из экономически активного населения в Центральном федеральном округе в 2011 г. приходилось около 233 чел., получивших в этом году высшее образование. Аналогичный показатель для Южного федерального округа составил около 175 чел., а для Северо-Кавказского федерального округа — около 160 чел. (рассчитано по [19, с. 306-309]).

Периферийные регионы характеризуются низкой вовлеченностью людей в свободные и добровольные социальные взаимодействия. Хорошим показателем вовлеченности жителей региона в социальные взаимодействия современного типа может быть степень распространения интернета. Степень компьютеризации и распространения интернета высока в крупных городах и низка в слабо урбанизированных регионах. Удельный вес домохозяйств,

имевших персональный компьютер в 2011 г. составил в Центральном федеральном округе 58,4%, в Южном федеральном округе — 56,1%, в Северо-Кавказском федеральном округе — 47,5%. Удельный вес домохозяйств, имевших доступ к сети интернет в 2011 г., составил в Центральном федеральном округе 50,4%, в Южном федеральном округе — 47%, в Северо-Кавказском федеральном округе — 30,8%. При этом использование компьютеров и интернета еще более распространено в Северо-Западном федеральном округе (70,4% имеют компьютер, 63,8% соединены с интернетом) и, в частности, в Санкт-Петербурге (79% и 75,6%, соответственно) [19, с. 701].

Можно также сделать вывод о некорректности отнесения некоторых областей к «центральному региону» на основании их принадлежности к Центральному федеральному округу. Например, такие области Центрального федерального округа, как Тамбовская и Курская, заметно отстают по использованию

Рис. 3. Уровень образования населения в Центральном федеральном округе (по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., % среди участников переписи в возрасте 15 лет и старше, указавших уровень образования) [19, с. 234-235]

Рис. 4. Уровень образования населения в Южном федеральном округе (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), % среди участников переписи в возрасте 15 лет и старше, указавших уровень образования) [19, с. 234-235]

интернета от Республики Северная Осетия — Алания, относящейся к Северо-Кавказскому федеральному округу.

Регионы Северо-Кавказского федерального округа имеют еще одну существенную особенность — значительное преобладание сельского населения по отношению к городскому, как в абсолютных цифрах, так и по сравнению с другими федеральными округами (табл.).

Значительная доля сельского населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа не только определяет отраслевую структуру производства, но и, что не менее важно, консервирует традиционные формы социальных связей в обществе. Тип социального капитала, характерный для сельского населения

Северного Кавказа, можно охарактеризовать как преимущественно базирующийся на церемониальных ценностях, что определяет специфику поведенческих паттернов и неформальных институтов. Институциональная система периферийных регионов включена в институциональную систему российской экономики. Региональные институциональные различия основываются, прежде всего, на специфических для периферийных регионов неформальных институтах, структурирующих специфические социальные взаимодействия и связи, основанные на исторически обусловленной хозяйственной культуре и социальном капитале. Таким образом, к вышеперечисленным характеристикам периферийности регионов можно

Таблица

Численность и удельный вес сельского населения РФ и субъектов СКФО, тыс. чел. [14]

Регион	Численность сельского населения, тыс. чел.					Удельный вес сельского населения, %			
	1959	1995	2010	2011	2012	1959	1990	2001	2012
РФ	55923	40138	38209	37444	37314	47.6	26.4	26.8	26.1
РД	748	1255	1578	1597	1608	70.4	56.5	57.6	54.9
РИ	...	185	294	256	262	...	75.1	57.4	60.8
КБР	254	336	393	392	393	60.5	39.1	43.4	45.7
КЧР	219	230	242	270	270	76.8	51.1	56.2	56.9
РСОА	213	205	250	258	256	47.2	30.8	33.8	36.1
ЧР	416	752	806	830	848	58.6	56.1	66.5	65.1
СК	1083	1238	1166	1192	1187	67.5	46	44.1	42.6
СКФО	2933	4201	4729	4795	4823	64.7	49.1	50.9	50.8

В таблице выделены ячейки с максимальными значениями.

Рис. 5. Уровень образования населения в Северо-Кавказском федеральном округе (по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), % среди участников переписи в возрасте 15 лет и старше, указавших уровень образования [19, с. 234-235]

отнести еще и специфические институциональные факторы, детерминирующие формирование периферийных институциональных систем, которые в целом консервируют архаичные институты, препятствующие модернизации общества в целом и экономики, в частности.

Роль образования в формировании институциональной структуры периферийных регионов

Изменение институтов — это процесс, протяженный во времени. Особенно это относится к неформальным институтам, базирующимся на существующем социальном капитале. Социальный капитал, в свою очередь, зависит от индивидуальных поведенческих паттернов, основанных на доминирующих в том или ином национальном или региональном сообществе социальных ценностях. Разрабатывая меры социальной и экономической политики, направленные на модернизацию периферийных регионов, необходимо сделать акцент на развитии инструментальных ценностей в обществе и их взаимосвязи с качеством социального капитала и долгосрочными институциональными изменениями.

Государственная политика, направленная на реализацию целей модернизации социально-экономической жизни в периферийных регионах, должна исходить из долгосрочных перспектив развития с учетом сложившихся

специфических демографических, культурно-ценностных, географических, исторических и политических особенностей территорий.

Формирование системы ценностей, способствующей трансформации социального капитала, тесно связано с доступностью и качеством образования. Мы акцентируем внимание на образовании вообще, но особенно на профессиональном и высшем профессиональном или университетском образовании. Развитие образования не только является важным условием передачи и накопления знаний в социуме, но и, что не менее важно, формирует систему ценностей и социальных связей, которые способствуют модернизации общества. С помощью образования происходит диффузия культуры, характерной для постиндустриального общества, что также согласуется с целями модернизации периферийных и архаичных локальных сообществ.

Доступность знаний может осуществляться через механизмы, определяемые социальным капиталом общества, например, через добровольные ассоциации, самообразование, дополнительное образование, которое должно становиться общепринятым в рамках инструментальных ценностей общества. Культурное заимствование необходимо не только для внедрения индустриальных и постиндустриальных технологий, но и для развития соответствующих институтов, чтобы технологии могли прижиться [26].

В периферийных регионах Северо-Кавказского федерального округа сельское население более многочисленно, чем городское (табл.). Причем в республиках Северного Кавказа сохранились семьи с большим числом детей, сельское население имеет молодую возрастную структуру, отличается лучшим здоровьем, но слабо охвачено профессиональным образованием [14]. Подобная демографическая структура населения создает предпосылки для негативных тенденций в плане социального и экономического развития регионов. В таких условиях в системе социальных ценностей будут доминировать церемониальные ценности и паттерны поведения. Доминирование церемониальных ценностей детерминирует соответствующее качество социального капитала и, следовательно, задает вектор эволюции неформальных институтов, препятствующих модернизации общества.

Изменить негативные тенденции в эволюции институтов периферийных регионов можно, в частности путем проведения активной государственной политики, направленной

на развитие (как количественное, так и качественное) сети среднего и высшего профессионального образования. Выявление неэффективных учебных заведений и их реорганизация, которая на практике приводит к сокращению доступности образования, не решают проблемы создания необходимых для модернизации социальных ценностей и социального капитала, а только позволяют решить краткосрочные и чисто утилитаристские задачи по экономии бюджетных расходов. Развитие образовательных институтов и организаций в периферийных регионах решает не только экономические задачи, такие как стимулирование совокупного спроса, но, что более важно, создает предпосылки для долгосрочного социально-экономического развития на основе доминирования инструментальных социальных ценностей.

Функционирование неэффективных институтов может приводить к кризису во всех сферах жизни общества. Но это не значит, что неэффективные институты, возникающие вследствие действий групп специальных интересов или дискреционной экономической политики, являются исключительно результатом необратимой эволюции институциональной организации хозяйственного порядка и предопределены традиционно существующим социальным капиталом. Образование, формирование добровольных ассоциаций, развитие доверия и социального сотрудничества влияют на эволюцию социальных ценностей и социального капитала, соответствующих порядку открытого доступа. И периферийные регионы, в первую очередь, заинтересованы в том, чтобы данные процессы протекали наряду с важнейшими институциональными реформами.

Список источников

1. *Баринов С. Л.* Социально-экономическая периферийность в староосвоенных регионах центра и северо-запада России // Региональные исследования. — 2007. — Т. 13. — № 3. — С. 26-32.
2. *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60-74.
3. *Веблен Т.* Теория делового предприятия. — М.: Дело, 2007.
4. *Веблен Т.* Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984.
5. *Вольчик В. В.* Институты, экономическая координация и неявное знание // Terra economicus. — 2011. — Т. 9. — № 2. — С. 17-22.
6. *Вольчик В. В., Ширяев И. М.* Экономический рост и тенденции социально-экономического развития Камбоджи // Terra economicus. — 2012. — Т. 10. — № 1. Ч. 2. — С. 154-159.
7. *Дорошенко С. В., Попов Е. В.* Об эволюционной региономике // Экономическая наука современной России. — 2002. — № 1. — С. 28-37.
8. *Дружинин А. Г.* Метрополизация как доминантная тенденция территориальной организации общества в постсоветский период: универсальные проявления и южно-российская специфика // Географический вестник. — 2009. — № 3. — С. 54-61.
9. *Колесников Н. Г.* Приграничность и периферийность как факторы экономического развития региона // Север и рынок. Формирование экономического порядка. — 2012. — Т. 3. — № 31. — С. 117-120.
10. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. — 2001. — № 3. — С. 121-139.
11. *Курбатова М. В., Апарина Н. Ф.* Социальный капитал предпринимателя. Формы его проявления и особенности в современной российской экономике // Terra economicus. — 2008. — Т. 6. — № 4. — С. 45-61.
12. *Курбатова М. В., Левин С. Н., Каган Е. С.* Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // Общественные науки и современность. — 2010. — № 6. — С. 37-51.
13. *Лебедева Н. Н., Ломовцева О. А.* Социальный капитал и модернизация этноэкономики Юга России // Общественные науки и современность. — 2006. — № 2. — С. 109-117.
14. *Мусаева Л. З., Шамилев С. Р., Шамилев Р. В.* Особенности расселения сельского населения субъектов СКФО // Современные проблемы науки и образования. — 2012. — № 5 [электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/105-6914> (дата обращения: 08.10.2013).
15. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. — М.: Финстатинформ, 2000.
16. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. — 1993. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 69-91.
17. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд. Института Гайдара, 2011.
18. *Попов Е. В., Власов М. В., Симахина М. О.* Территориальная модель институтов развития предпринимательства // Журнал экономической теории. — 2010. — №2. — С. 19-38.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. — М.: Росстат, 2012.
20. *Сидорина Т. Ю.* Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. — 2007. — №3. — С. 319-334.

21. *Сухарев О. С.* Институциональный анализ в исследовании экономических изменений: принципы, допущения, ограничения // *Экономический анализ. Теория и практика.* — 2013. — №33. — С. 2-13.
22. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. — М.: Издательство АСТ, 2003.
23. *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — М.: Новости, 1992.
24. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // *Handbook of Economic Growth. Vol. 1.* / P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). — New York: Elsevier, 2005. — P. 385–472.
25. *Acemoglu D., Robinson J. A.* Why nations fail. The origins of power, prosperity, and poverty. — New York: Crown Publishers, 2012.
26. *Bush P. D.* The Theory of Institutional Change // *Journal of Economic Issues.* — 1987. — Vol. XXI. — № 3. — P. 1075-1116.
27. Do Institutions Cause Growth? / *Glaeser E. L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A.* // *Journal of Economic Growth.* — 2004. — Vol. 9. — № 3. — P. 271-303.
28. *Economic Pluralism* / Edited by Robert Garnett, Erik K. Olsen, and Martha Starr. — New York: Routledge, 2010.
29. *Elsner W.* The Theory of Institutional Change Revisited. The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis // *Journal of Economic Issues.* — 2012. — Vol. XLVI. — № 1.
30. *Fafchamps M.* Development and Social Capital // *Journal of Development Studies.* — 2006. — Vol. 42. — № 7. — P. 1180–1198.
31. *Nelson R. R.* Bringing institutions into evolutionary growth theory // *Journal of Evolutionary Economics.* — 2002. — Vol. 12. — № 1. — P. 17-28.
32. *Wisman J. D., Smith J. F.* American Institutionalism on Technological Change // *Journal of Economic Issues.* — 1999. — Vol. 33. — № 4. — P. 887-902.
33. *Zheng Wei.* A Social Capital Perspective of Innovation from Individuals to Nations. Where is Empirical Literature Directing Us? // *International Journal of Management Reviews.* — 2010. — Vol. 12. — № 2. — P. 151-183.

УДК 330.1

Ключевые слова: институты, институциональные изменения, социальный капитал, социальные ценности, образование, периферийные регионы